Николай Заозерскій

Ординарный профессоръ Московской Духовной Академіи.

ОТНОШЕНІЕ
СВЯТОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
КЪ МИРУ И ВОЙНѢ
ПО УЧЕНІЮ ЕЯ КАНОНИЧЕСКАГО ПРАВА.

(По поводу современныхъ движеній въ литературѣ за общенародный миръ и противъ милитаризма).

(Рѣчь произнесенная на публичномъ актѣ М. Д. Академіи 1 октября 1896 г.).

Сергіевъ Посадъ
Моск губ
2-я ТИПОГРАФІЯ А. И. СНЕГИРЕВОЙ.
1896.

Николай Заозерскій
Ординарный профессоръ Московской Духовной Академіи

ОТНОШЕНІЕ
СВЯТОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
КЪ МИРУ И ВОЙНѢ
ПО УЧЕНІЮ ЕЯ КАНОНИЧЕСКАГО ПРАВА.

(По поводу современныхъ движеній въ литературѣ за общенародный миръ и противъ милитаризма.)

(Рѣчь произнесенная на публичномъ актѣ М. Д. Академіи 1 октября 1896 г.)

Сергіевъ Посадъ
Моск. губ.
2-я ТИПОГРАФІЯ А. И. СНЕГИРЕВОЙ
1896

Печатать дозволяется. 5 октября 1896 года.
Ректоръ Академіи *Архимандритъ Лаврентій*

Оттиски изъ № 10 „Богословскаго Вѣстника“ за 1896 годъ

Отношеніе Св. Православной Церкви къ миру и войнѣ, по ученію ея канонического права.

(По поводу современныхъ движеній въ литературѣ за общенародный миръ и противъ милитаризма).

Къ числу жизненныхъ вопросовъ, которыми въ настоящее время съ большею энергіею занимаются наука, литература и даже искусство, принадлежитъ безспорно вопросъ о милитаризмѣ. Занимающіеся разработкою этого вопроса дѣйствуютъ двоякимъ образомъ: одни — положительнымъ, другіе отрицательнымъ. Первые устремляютъ свои силы на изысканіе средствъ, устраняющихъ возможность кровавыхъ столкновеній между народами, вторые стараются всемѣрно возбудить въ людяхъ страхъ передъ войною и отвращеніе къ военной службѣ, какъ „ремеслу“ [1]).

Высокая цѣль—благо народовъ и всего человѣчества,—преслѣдуемая ими, стяжала имъ по справедливости званіе „друзей мира“ и враговъ милитаризма.

Это научно-литературное движеніе противъ милитаризма началò съ особенною силою заявлять себя собственно въ западной Европѣ, какъ оппозиція милитаризму Пруссіи, взлѣлѣянному политикою Бисмарка, и поддержанному de facto героемъ милитаризма Мольтке, а за тѣмъ въ благополучно-мирное царствованіе Незабвеннаго для друзей мира Царя-миротворца, перешло и къ намъ въ Россію и завер-

---

[1]) Съ литературою вопроса можно ознакомиться по слѣдующимъ статьямъ Русской мысли за 1895 й годъ

а) Л. А. *Камаровскій* Факторы мира въ современной жизни. (Сентябрь)

б) Psychologie de Militaere professionnel, par A. Hamon. Paris, Bruxelles. 1894. (Сентябрь)

с) И К. Война у разныхъ народовъ. (Ноябрь).

бовало въ свои ряды довольно многочисленный сонмъ друзей мира. Даже болѣе,—здѣсь оно повстрѣчалось съ давнимъ и весьма вліятельнымъ другомъ мира и борцомъ противъ милитаризма—въ лицѣ извѣстнаго писателя-художника гр. Л. Н. Толстаго и не только русскіе, но и западные „друзья мира“ съ радостію записали его въ свои ряды.

Но часто встрѣчается въ человѣческой жизни странное явленіе при всѣхъ благихъ, самыхъ чистыхъ искреннихъ намѣреніяхъ человѣкъ по какому-то странному ослѣпленію избираетъ совершенно ложный, т. е. не цѣлесообразный путь къ осуществленію своихъ чистыхъ намѣреній... Случается, хотя и довольно рѣдко, что, разъ ставъ на этотъ путь, человѣкъ никакъ не можетъ придти къ сознанію ложности этого пути и идетъ по нему, идетъ упорно, сокрушая на своемъ пути все ему мѣшающее, и не только не достигаетъ цѣли, но прямо вредитъ ея достиженію даже другими, т. е. въ концѣ концевъ идетъ какъ разъ *противъ самаго себя и поражаетъ самаго себя*, воображая однакожъ что онъ идетъ противъ другихъ и поражаетъ другихъ.

Такое положеніе теорія словесности называетъ *трагическимъ*.

Въ такомъ именно положеніи дѣйствуетъ, по нашему убѣжденію, Л. Н—чъ, какъ горячій борецъ противъ милитаризма и какъ авторъ своей морально-философской теоріи непротивленія злу.

Что онъ—искренній другъ мира и врагъ войны, объ этомъ свидѣтельствуетъ едва ли не каждая строка его знаменитой эпопеи Отечественной войны 12-го года.

Да, кто внимательно хотъ одинъ разъ прочиталъ эту эпопею, тотъ не могъ не замѣтить съ какой силой высказывается душа художника, страдающаго скорбями людей, обреченныхъ какою то неумолимою безсмысленною судьбою идти на смертный бой и умирать въ безобразной массѣ человѣческихъ и животныхъ труповъ—жертвъ того безобразнаго столкновенія озлобленныхъ другъ противъ друга людей, даже христіанъ, которое называется „сраженіемъ“, или „боемъ“. Эта, страдающая скорбями всего человѣчества, душа художника видна не только въ рѣзкихъ контрастахъ картинъ мира и картинъ войны, чередующихся въ эпопеѣ, но и въ тѣхъ отвлеченныхъ разсуж-

деніяхъ, которыя учащаются по мѣрѣ приближенія эпопеи къ концу.

Въ этихъ разсужденіяхъ со всею ясностью выступаетъ *усиліе* художника рѣшить вопросъ: что толкаетъ людей стремглавъ летѣть въ бой и —полное *безсиліе* въ рѣшеніи этого вопроса.

Отсюда—крайне тяжелое впечатлѣніе эпопеи....

Наша глубокая симпатія друзьямъ мира, идущимъ вѣрнымъ положительнымъ путемъ къ своей цѣли, побуждаетъ насъ со всею обстоятельностію раскрыть истинное отношеніе Св. Православной Церкви къ миру и войнѣ; а наша глубокая признательность творцу знаменитой эпопеи побуждаетъ сдѣлать попытку—указать со всею ясностію ложность пути, приведшаго Л. Н—ча, какъ автора „моего евангелія“ и „моей вѣры“ къ роковой, глубокотрагической его враждѣ со Св. Православною Церковью.

Что касается отношенія Церкви Православной *къ миру*, то оно одно и то же всегда, весьма ясно и опредѣленно: Церковь всѣмъ желаетъ мира; усиленно, день и ночь, молится о мирѣ и—можно безъ преувеличенія сказать—трепещетъ передъ войной, какъ ужаснымъ бѣдствіемъ. Вѣрность этого положенія для православнаго, хотя бы даже неграматнаго, христіанина не требуетъ доказательствъ; послѣднія потребны, можетъ быть, только для интеллигентнаго человѣка, не придерживающагося никакого вѣроисповѣданія, или же для нашихъ заграничныхъ „друзей мира“, никогда не бывавшихъ въ нашихъ православныхъ храмахъ во время Богослуженія. Да и для нихъ нѣтъ ничего легче если бы потребовалось—представить самое убѣдительное въ томъ доказательство. Ибо оно все будетъ состоять въ слѣдующихъ словахъ: „Друзья! ходите, какъ можно чаще въ церковь и Вы убѣдитесь въ мирномъ ея настроеніи. Вы тамъ всегда услышите: „миръ вамъ“, „миръ всѣмъ“, „о мирѣ всего міра и соединеніи всѣхъ Господу помолимся“...

Но, можетъ быть, это—только въ мирное время; а во время войны Церковь не молится о мирѣ всего міра и ея священникъ не привѣтствуетъ всѣхъ евангельскимъ цѣлованіемъ мира? —Нѣтъ и нѣтъ! Ея Богослужебный чинъ

всегда тождествененъ, въ мирное время совершается онъ или въ военное,--въ благолѣпномъ ли храмѣ или на самомъ полѣ сраженія; различіе только въ томъ, что въ военное время, какъ и вообще во время какого-либо общенароднаго бѣдствія, Церковь усиливаетъ призывъ своихъ чадъ къ *покаянію во грѣхахъ* (ибо по ея воззрѣнію, грѣхи суть главная причина общественныхъ бѣдствій и сильнѣйшаго изъ нихъ—войны), усиливаетъ молитвы къ Богу о прощеніи прегрѣшеній и объ избавленіи „отъ меча, нашествія иноплеменныхъ и междуусобныя брани". И если бы у кого явилось сомнѣніе—дѣйствительно ли Церковь молится, именно такъ даже на полѣ сраженія, то для разсѣянія этого сомнѣнія можно было бы указать на собственное свидѣтельство Льва Николаевича Толстаго въ его эпопеѣ—только съ самымъ маленькимъ поясненіемъ. Вотъ его описаніе молебна наканунѣ Бородинскаго сраженія. „Изъ-подъ горы отъ Бородина поднималось церковное шествіе. Впереди всѣхъ по пыльной дорогѣ стройно шла пѣхота *съ снятыми киверами и ружьями, опущенными книзу* (военный ритуалъ покорности, разоруженія) Позади пѣхоты слышалось церковное пѣніе. Обгоняя Пьера, безъ шапокъ бѣжали навстрѣчу идущимъ солдаты и ополченцы. „Матушку несутъ! Заступницу.... Иверскую"!.... „Смоленскую Матушку"—поправилъ другой.—Ополченцы и тѣ, которые были въ деревнѣ, и тѣ, которые работали на батареѣ, побросавъ лопаты, побѣжали навстрѣчу церковному пѣнію. За батальономъ, шедшимъ по пыльной дорогѣ, шли въ ризахъ священники, одинъ старичекъ въ клобукѣ съ причтомъ и пѣвчими. За ними солдаты и офицеры несли большую съ чернымъ ликомъ въ окладѣ икону. Это была икона, вывезенная изъ Смоленска, и съ того времени возимая за арміей. За иконой, кругомъ ея, впереди ея, со всѣхъ сторонъ, шли, бѣжали и кланялись въ-землю съ обнаженными головами толпы военныхъ.

Взойдя на гору, икона остановилась; державшіе на полотенцахъ икону люди перемѣнились, дьячки зажгли вновь кадила и начался молебенъ. Жаркіе лучи солнца били отвѣсно сверху; слабый, свѣжій вѣтерокъ игралъ волосами открытыхъ головъ и лентами, которыми была убрана икона; пѣніе негромко раздавалось подъ открытымъ небомъ.

Огромная толпа съ открытыми головами офицеровъ, солдатъ, ополченцевъ окружала икону. Позади священника и дьячка на очищеномъ мѣстѣ стояли чиновные люди. Одинъ плѣшивый генералъ съ Георгіемъ на шеѣ стоялъ прямо за спиной священника и, не крестясь (очевидно нѣмецъ) терпѣливо дожидался конца молебна, который онъ считалъ нужнымъ выслушать вѣроятно для возбужденія патріотизма русскаго народа. Другой генералъ стоялъ въ воинственной позѣ и потряхивалъ рукой предъ грудью, оглядываясь вокругъ себя. Между этимъ чиновнымъ кружкомъ Пьеръ, стоявшій въ толпѣ мужиковъ, узналъ нѣкоторыхъ знакомыхъ, но онъ не смотрѣлъ на нихъ; все вниманіе его было поглощено серьезнымъ выраженіемъ лицъ въ этой толпѣ солдатъ и ополченцевъ, однообразно — жадно смотрѣвшихъ на икону. Какъ только уставшіе дьячки (пѣвшіе двадцатый молебенъ) начинали лѣниво и правильно пѣть: „Спаси отъ бѣдъ рабы Твоя, Богородице“, и священникъ и діаконъ подхватывали (sic!): „яко вси по Бозѣ къ тебѣ прибѣгаемъ, яко нерушимой стѣнѣ и предстательству“, на всѣхъ лицахъ вспыхивало опять тоже выраженіе сознанія торжественности наступающей минуты, которое онъ видѣлъ подъ горой въ Можайскѣ и урывками на многихъ и многихъ лицахъ, встрѣченныхъ имъ въ это утро; и чаще опускались головы, встряхивались волоса и слышались вздохи и удары крестовъ по грудямъ.

Толпа, окружившая икону, вдругъ раскрылась и надавила Пьера. Кто-то, вѣроятно, очень важное лицо, судя по поспѣшности, съ которою передъ нимъ сторонились, подходилъ къ иконѣ.

Это былъ Кутузовъ, объѣзжавшій позицію. Онъ, возвращаясь къ Татариновой, подошелъ къ молебну. Пьеръ тотчасъ же узналъ Кутузова по его особенной, отличавшейся отъ всѣхъ фигурѣ.

Въ длинномъ сюртукѣ на огромномъ толщиной тѣлѣ съ сутуловатою спиной, съ открытою бѣлой головой и съ вытекшимъ былымъ глазомъ на оплывшемъ лицѣ, Кутузовъ вошелъ своею ныряющею, раскачивающеюся походкой въ кругъ и остановился позади священника. Онъ перекрестился привычнымъ жестомъ, досталъ рукою до земли и, тяжело вздохнувъ, опустилъ свою сѣдую голову. За Кутузовымъ

былъ Бенигсенъ и свита. *Не смотря на присутствіе главнокомандующаго,* обратившаго на себя вниманіе всѣхъ высшихъ чиновъ, *ополченцы и солдаты, не глядя на него, продолжали молиться.*

Когда кончился молебенъ, Кутузовъ подошелъ къ иконѣ, тяжело опустился на колѣна, кланяясь въ землю, и долго пытался и не могъ встать отъ тяжести и слабости. Сѣдая голова его подергивалась отъ усилій Наконецъ онъ всталъ и съ дѣтски-наивнымъ вытягиваніемъ губъ приложился къ иконѣ и опять поклонился, дотронувшись рукой до земли. Генералитетъ послѣдовалъ его примѣру; потомъ офицеры и за ними давя другъ друга, тотчасъ, пыхтя и толкаясь, съ взволнованными лицами, полѣзли солдаты и ополченцы“ [1]).

Вотъ художественная картина, писанная перомъ и чернилами! По моему мнѣнію, она въ тысячу разъ правдивѣе и реальнѣе любой картины г. Верещагина, то же—„друга мира“, хотя и чрезъ-чуръ большаго любителя реальныхъ сильныхъ ощущеній [2]).

Но въ человѣческомъ творчествѣ нѣтъ абсолютнаго совершенства,..... Даже и эта чудная картина Л. Н—ча имѣетъ нѣкоторые недостатки въ деталяхъ, происшедшіе, по моему мнѣнію, отъ того, что Л. Н—чъ плохо знаетъ церковный уставъ. А именно: 1) каждый пѣвчій и дьячекъ хорошо знаютъ, что на словахъ: „яко вси по Бозѣ“... подхватываютъ пѣвчіе и дьячки священника и діакона, а не наоборотъ; 2) Л. Н—чъ совсѣмъ не знаетъ, что именно на молебнѣ предъ Смоленскою иконой Богоматери поется тропарь „Къ Богородицѣ прилежно“, который несомнѣнно и былъ пропѣтъ въ 20-й разъ, а Л. Н—чъ о немъ не упомянулъ ни слова [3]).

---

[1]) Война и миръ, т. III, (Ч. VII). Изд. VI, 1886 г. стр. 274—277.

[2]) *На войнѣ въ Азіи и Европѣ. Воспоминанія Художника В. В. Верещагина. М. 1894.* Русская мысль, 1895, Ноябрь, стр 556—557.

[3]) По видимому, это—мелочь .. Нѣтъ, не мелочь, а промахъ, довольно крупный. Если бы этотъ тропарь приведенъ былъ въ описаніи цѣликомъ, тогда всякому, любому иностранцу - читателю, стало бы до очевидности ясно, почему Кутузовъ, забывъ свой высокій постъ, *смиренно* склонялъ свою сѣдую голову предъ иконою Богоматери, почему солдаты *жадно* смотрѣли на икону, почему и въ самый вечеръ наканунѣ Бородинскаго боя „ополченцы надѣли чистыя, бѣлыя рубахи, чтобы приготовиться къ смерти“

Но и безъ этой поправки художественная картина съ поразительной энергіей вызываетъ въ сознаніи зрителя мысль, что съ момента появленія на боевой позиціи иконы и церковнаго причта *военные совершенно перестали быть военными*: побросали лопаты, забыли всякую субординацію.

А если такъ, то основательно ли Церковь обвинять въ милитаризмѣ? Не основательнѣе ли было бы обвинять ее прямо въ парализованіи военнаго духа и нарушеніи военной дисциплины?!...

Нѣтъ! Намъ еще рано дѣлать какія бы то ни было обобщенія...

Какъ философъ-моралистъ Л. Н—чъ обвиняетъ мать свою—Православную Церковь во лжи, въ искаженіи Евангелія, между прочимъ, и съ этою преступною ея цѣлію—оправдать милитаризмъ.

Вотъ этотъ обвинительный актъ въ евангеліи Л. Н—ча, къ счастію, выраженный настолько деликатно, что его можно публично прочитать:

„Сказано: благословляй враговъ, а она (Церковь) говоритъ: можно ругать. Рѣчь Іисуса говоритъ только то, что не должно защищаться отъ враговъ, что ни въ какомъ случаѣ не должно воевать; церковь же 1500 лѣтъ проповѣдуетъ противное и благословляетъ воиновъ“ [1]).

Какъ должно понимать ученіе Господа о любви ко врагамъ—этого вопроса мы разсматривать пока не будемъ: вся сила обвиненія сосредоточивается въ словахъ: „церковь 1500 лѣтъ благословляетъ воиновъ“.

Въ этомъ Св. Церковь *дѣйствительно виновна*,—если угодно; но передъ кѣмъ и передъ чѣмъ?!

Дабы рѣшить вопросъ основательно и всесторонне, должно прежде всего разсмотрѣть, какъ и въ какихъ формахъ Церковь обыкновенно благословляетъ воиновъ? Раздѣльнѣе и яснѣе выражаясь, мы должны сказать, что Церковь не только вообще благословляетъ воиновъ, какъ и каждаго

(стр. 280), почему „солдаты . не стали водку пить“: не такой день говорятъ“ (293) По моему мнѣнію, они все это дѣлали потому, что каялись во грѣхахъ, единственный кажется мо ментъ когда солдатъ отказывается отъ предлагаемой ему водки.

[1]) „Изслѣдованіе Евангелія“. РКП. библіотеки М. Д. Академіи № $^{128}/_{210}$, стр. 227.

христіанина, но еще: 1) молится нарочито „о христолюбивомъ воинствѣ“; 2) освящаетъ особымъ чиномъ военныя знамена.

Прежде чѣмъ, однакожъ, приступить къ разсмотрѣнію этихъ т. с. *винъ* Церкви, почитаю нужнымъ замѣтить, что, благословляя христолюбивыхъ воиновъ, Церковь отнюдь не забываетъ заповѣди Господа о любви ко врагамъ: напротивъ, она за нихъ молится. Въ доказательство сошлюсь на слѣдующія слова одной молитвы, которая читается каждогодно въ день Рождества Христова: „О премилосердый Господи! Пробави милость Твою вѣдущимъ Тя: но и неищущимъ Тебе явленъ буди; еще и *враговъ нашихъ сердца* къ Тебѣ обрати: и всѣмъ языкомъ и племеномъ во Единемъ истиннемъ Христѣ Твоемъ познанъ буди. Да отъ востокъ солнца до западъ, всѣми убо языки, единѣмъ же сердцемъ, вси языцы восклицаютъ Тебѣ гласомъ радованія: слава Тебѣ, Богу, Спасителю всѣхъ, во вѣки вѣковъ“ [1]).

Почитаю важнымъ напомнить объ этихъ словахъ молитвы потому въ особенности, что въ первый разъ она читалась въ томъ самомъ храмѣ (а потомъ читается ежегодно во всѣхъ храмахъ Православной Церкви), который подвергся во время войны 12 года ужаснѣйшему поруганію отъ враговъ, о каковомъ а ргоpos замѣчу, въ эпопеѣ своей Л. Н—чъ не обмолвился ни единымъ словомъ...

На этомъ основаніи обвинительный актъ Л. Н—ча противъ Церкви долженъ видоизмѣнить свою заключительную часть такъ: *она виновна въ томъ, что молясь за враговъ, благословляетъ воиновъ.*

Приступая къ разсмотрѣнію этого обвинительнаго акта, съ своей стороны я почитаю нужнымъ замѣтить, что при этомъ разсмотрѣніи я буду *не защищать* Церковь, а напротивъ, съ одной стороны, содѣйствовать Л. Н—чу въ обвиненіи ея, указывая ему всѣ ея т. ск, слабыя мѣста, а съ другой—предоставляя ему въ видѣ справки нѣкоторыя мѣста изъ Евангелія и Богослужебныхъ книгъ въ качествѣ документовъ, оправдывающихъ или только смягчающихъ вину Церкви. Въ то же время я не буду умалчивать и о

---

[1]) Благодарственное и молебное пѣніе въ день Рождества Іисуса Христа. Изд 1886 г л. 9 об. на оборотѣ.

тѣхъ обстоятельствахъ, которыя будутъ служить не въ пользу ужъ очень энергичнаго обвиненія. Словомъ, при предпринимаемомъ разсмотрѣніи обвиненія Церкви я буду дѣйствовать при Л. Н—чѣ, какъ секретарь при прокурорѣ, доставляя ему только справки, но не предрѣшая вопроса о виновности или невиновности.

Православная Церковь, т. е. ея Архіереи и священники [1]), благословляетъ воиновъ и въ мирное и въ военное время,— въ военное даже съ особенною торжественностію: въ домѣ ли, если нарочито позовутъ священника, или же въ какомъ-либо помѣстительномъ храмѣ, или просто подъ открытымъ небомъ. При этомъ обыкновенно присутствуютъ большею частію плачущіе друзья и родственники провожаемыхъ, которые, по исконному русскому обычаю, и сами благословляютъ своихъ воинственныхъ друзей своими тѣльными крестами, а кто побогаче — то и особенно дорогими въ какомъ бы ни было отношеніи домашними иконами.

Отягчающимъ вину Церкви обстоятельствомъ служитъ то, что своимъ благословеніемъ она, если не прямо освящаетъ милитаризмъ, то однакоже подбодряетъ воиновъ, идущихъ иногда на войну прямо охотою, изъ-за карьеры, или по такимъ наивнымъ побужденіямъ, какъ, напр., Петя Ростовъ, т. е. изъ желанія, чтобы донесено было Государю, что онъ, Петя, за Государя не боялся положить голову и летѣлъ первымъ въ самую отчаянную атаку.

Вмѣсто того, чтобы благословлять подобныхъ рыцарей, Церковь съ точки зрѣнія Л. Н—ча должна бы на оборотъ всемѣрно и какъ можно громче проповѣдывать прямое запрещеніе Іисуса: *не воюй* [2]), — проповѣдывать именно въ этотъ удобный моментъ.

Смягчающими вину церкви обстоятельствами представляются слѣдующія:

1) Церковь православную, т. е. архіереевъ и священниковъ, обыкновенно въ такихъ случаяхъ совсѣмъ не спра-

---

[1]) Въ такомъ, именно, смыслѣ понимаетъ слово Церковь Л Н—чъ, когда ее желаетъ обвинять.

[2]) См. ниже.

шиваютъ о томъ — нужно, или не нужно идти на войну, а — просятъ или требуютъ только благословить уже идущихъ по такимъ или инымъ побужденіямъ на войну.

2) Отказываясь благословить воина, быть можетъ уже стараго и благочестиваго, какъ напр. Кутузовъ, быть можетъ весьма благоволившаго священнику въ мирное время, священникъ прямо подвергся бы укоризнѣ въ неблагодарности и въ нарушеніи долга дружбы: ибо онъ отказывается благословить друга въ ту критическую минуту, когда его благословляютъ жена, сестра, дѣти и проч.

Не имѣя пока ничего указать въ ослабленіе или въ усиленіе перваго изъ этихъ смягчающихъ обстоятельствъ, относительно второго я долженъ представить въ качествѣ справки слѣдующія мѣста изъ евангелія Л. Н—ча и Евангелія Церкви православной.

Въ евангеліи Л. Н—ча читаемъ: „Іисусъ учитъ людей истинному благу, какъ же ему умолчать о томъ явленіи, которое и тогда, и теперь представляется, какъ величайшее зло — вражды народовъ и войны? Неужели мы только такъ умны, а онъ просмотрѣлъ это зло и этотъ неистощимый источникъ зла, а говорилъ только о томъ, какъ причащаться—хлѣбомъ или виномъ, а объ обществахъ милліоновъ, о войнахъ ничего не сказалъ? И тотъ Іисусъ, тотъ, который сказалъ, что онъ не однимъ евреямъ проповѣдуетъ благо, тотъ, который не признаетъ ни матери, ни братьевъ, ни семьи, ни вѣры старинной, а говоритъ такимъ же, какъ онъ, бродягамъ“ [1]).

Предъ этой справкой ссылка на то, что священикъ благословляетъ собственно не воиновъ, а друзей, отцовъ, мужей, братьевъ и т. д., очевидно, ниспровергается какъ ловкая, можно сказать, юридическая увертка.

Но за то съ другой стороны и священникъ можетъ въ свое оправданіе изъ своего Евангелія, т. е. изъ Евангелія Церкви,—вывести на справку слѣдующія мѣста:

1) Іисусъ не только признавалъ мать, братьевъ, семью, но и благословлялъ воиновъ. Такъ Самъ Онъ во дни своего дѣтства и отрочества *до появленія къ людемъ* былъ въ повиновеніи у родителей (Лук, II, 21).

---

[1]) Выше цитир. РКП, стр. 228—229.

2) На бракѣ въ Канѣ Галилейской Іисусъ по указанію Матери совершилъ чудо, устранившее одно обстоятельство, едва не омрачившее праздничную семейную радость (Іоан. II, 1—12).

3) Семейство друга своего Лазаря Іисусъ такъ любилъ, что объ этомъ говорили даже сторонніе; *виждь, како любляше его* (Іоан. XI, 36).

4) Дѣтей всѣхъ безъ различія законныхъ и незаконныхъ Іисусъ любилъ въ особенности.

5) Наконецъ, уже вися на крестѣ Іисусъ совершилъ актъ усыновленія своего любимаго ученика Своей Матери [1]).

Кромѣ того священникъ въ оправданіе своего поступка—благословенія воиновъ можетъ привести Евангельское сказаніе объ исцѣленіи Іисусомъ любимаго раба римскаго сотника. Это сказаніе особенно важно въ разныхъ отношеніяхъ, а именно: 1) Іисусъ не отказался помочь сотнику въ сравнительно небольшомъ горѣ (болѣзнь любимаго раба); 2) Сотникъ былъ не Іудей, а язычникъ, но только благосклонно относившійся къ Іудеямъ; 3) сотникъ по положенію своему былъ—выражаясь языкомъ нашего времени—не кто иной, а именно дов. большой чинъ военной римской аристократіи, и 4) не взирая на все это Іисусъ не только удовлетворилъ просьбу, но и отозвался о нравственной личности его такъ: *ни во Израили толики вѣры обрѣтохъ* (Лук. VII, 1—9): это ли не благословеніе?.....

Подведемъ теперь итоги разсмотрѣнія перваго пункта обвиненія церкви въ поощреніи милитаризма.

1) Она дѣйствительно *нѣсколько виновна* въ этомъ *передъ евангеліемъ Л. Н—ча,* но заслуживаетъ *снисхожденія, или едва ли даже не оправданія* предъ *Евангеліемъ Господа* Іисуса Христа, т. е. *Евангеліемъ Церкви.*

2) Уже разсмотрѣніе одного этого пункта даетъ намъ право со всею основательностію констатировать слѣдующій фактъ: у насъ, въ Россіи, съ нѣкотораго времени стали

---

[1]) Господь осуждаетъ только ту любовь къ родителямъ, дѣтямъ, женѣ, или сродникамъ, ради которой приносится въ жертву любовь ко Христу. Кто изъ за этой любви плотской отречется напр. отъ Христа тотъ уже не достоинъ Его.

проповѣдываться два евангелія, и два Іисуса: Евангеліе и Іисусъ сынъ Божій, проповѣдуемые Церковію и евангеліе и Іисусъ-бродяга — проповѣдуемые Л. Н—чемъ. Евангеліе Церкви дозволяетъ благословлять всѣхъ; евангеліе Л. Н—ча—всѣхъ, за исключеніемъ военныхъ и ихъ семействъ; Іисусъ, Сынъ Божій, Котораго проповѣдуетъ Церковь, Своею любовію и участіемъ къ семейному горю и радостямъ влечетъ къ Себѣ всѣхъ людей безъ различія ихъ возраста, пола, званій и состояній; Іисусъ,—бродяга, проповѣдуемый Л. Н—чемъ, какъ то отталкиваетъ своею неумолимою послѣдовательностью и безсердечностью и невольно пробуждаетъ въ сознаніи воспоминаніе о неумолимой твердости и холодности Торквемадо и бродягъ нѣкогда извѣстныхъ семьямъ подъ именемъ святыхъ братьевъ Іисуса.....

3) Но являясь сами въ такомъ невыгодномъ освѣщеніи, не заслуживаемъ ли и мы, т. е. Л. Н—чъ и я, его союзникъ, нѣкотораго снисхожденія? По моему мнѣнію заслуживаемъ, а именно: обвиняя архіерея и священника благословляющихъ воиновъ и ихъ семьи, мы *просмотрѣли* въ смѣшной напр. фигурѣ старика Кутузова съ дѣтскою наивностью цѣлующаго икону, въ странныхъ фигурахъ солдатъ, *жадно* смотрѣвшихъ на икону, въ плачущихъ матеряхъ, женахъ, сестрахъ, м. б. даже невѣстахъ ту самую вѣру въ Іисуса, которой не въ силахъ поколебать никакая критическая минута, то смиреніе передъ Богомъ, которое не стыдится ни блестящей свиты, ни вообще какого либо суда людскаго.

За этотъ просмотръ я полагаю Вы окажете намъ снисхожденіе, а мы будемъ продолжать далѣе свои нападенія на церковь.....

Церковь виновна въ томъ, что она молится о христолюбивомъ воинствѣ: этимъ эпитетомъ она освящаетъ милитаризмъ т. е. военное ремесло. Разсмотримъ.

Дѣйствительно, о военныхъ и особенно объ офицерахъ сами ихъ начальники съ удовольствіемъ иногда говорятъ, что они „жаждутъ войны“

Война вообще „ожесточаетъ людей“: на эту тему можно найти весьма много матеріала въ эпопеѣ Л. Н—ча. Казнокрадство интендантскихъ чиновниковъ, алчность поставщиковъ и разныхъ комиссіонеровъ, мародерство, надменность

штабныхъ, кутежи и вообще бивуачная атмосфера во время походовъ—какъ все это мало похоже на христіанство? Да и въ мирное время — казарма и лагерь, или служба во флотѣ — не суть ли въ большинствѣ формы человѣческаго общежитія, всего менѣе напоминающія образъ жизни христіанъ? Не звучитъ ли этотъ эпитетъ: *„христолюбивое“* горькою ироніею въ ушахъ самого этого воинства?

Къ обстоятельствамъ смягчающимъ эту вину церкви должно отнести слѣдующія: большею частію люди идутъ въ военную службу не охотою, а вынужденно и мирятся съ этою необходимостью именно простымъ соображеніемъ: кому же нибудь надобно служить.

Они отправляются на службу христіанами и напутствуются, какъ христіане: посему, если вынуждаемые необходимостью они подвергаются всегда большей, чѣмъ всѣ прочіе люди, опасности уклониться отъ христіанскаго образа жизни: то не тѣмъ ли болѣе, не тѣмъ ли усерднѣе должна быть о нихъ молитва церкви? Какъ бы ни были вѣрны, или невѣрны порицанія военной службы, какъ паразитной— въ мирное время, она все-таки тяжелѣе всѣхъ другихъ видовъ государственной службы уже потому, что только здѣсь жертва жизнью за другихъ есть прямая обязанность, а не добровольный подвигъ.

Церковь молится не объ однихъ только военныхъ; она молится (хотя только нѣсколько разъ въ году нарочито) и о прочихъ христіанахъ состоящихъ на государственной службѣ [1]).

---

[1]) Вотъ ея молитвы этого рода·

„Утверди (Господи) благословеніе Твое на Благочестивѣйшемъ Самодержавнѣйшемъ Великомъ Государѣ нашемъ Императорѣ NN, и Духъ Твой благій да почіетъ на Немъ выну Подаждь во благочестивой державѣ Его пастыремъ святыню, правителемъ судъ и правду, народу миръ и тишину, законамъ силу и вѣрѣ преспѣяніе“ [1]). Или же такъ. „Умудри Его (Благочестивѣйшаго Самодержавнѣйшаго Великаго Государя Императора) и настави Его не поползновенно проходити великое сіе къ Тебѣ служеніе: даруй Ему разумъ и премудрость, во еже судити людемъ Твоимъ въ правду и Твое сіе достояніе въ тишинѣ и безъ печали сохранити. Покажи Его врагомъ побѣдительна, злодѣемъ страшна, добрымъ милостива и благонадежна. Согрѣй сердце Его къ призрѣнію нищимъ ко пріятію страннымъ,

---

[1]) Благод. и молебн. пѣніе въ день Рождества Христова, pag. на оборотѣ.

Бѣда еще не такъ велика, если нерѣдко эпитетъ „христолюбивое“ звучитъ проніей: не хуже ли бы было, если бы совсѣмъ умолкла эта ирония?!....

Но въ этомъ пунктѣ мой прокуроръ неумолимъ и не хочетъ знать никакихъ смягчающихъ обстоятельствъ. Церковь—по евангелію Л. Н—ча — тяжко и виновна въ томъ, что не только признаетъ существованіе разныхъ видовъ государственной службы, но еще и молится о нихъ. Въ евангеліи Л. Н—ча порицается всякая государственная служба: военная—въ особенности; но не легче достается и чинамъ и учрежденіямъ судебнаго вѣдомства. „Судья и суды—читаемъ здѣсь—это люди со щепками въ глазахъ, выглядывающіе соринки въ другихъ, — это слѣпые, водящіе слѣпыхъ, это учителя мести и злобы, не могущіе ничему иному научить, какъ мести и злобѣ“ [1]).

На семъ основаніи Церковь въ этомъ пунктѣ должно признать виновною уже безъ всякаго снисхожденія, виновною, конечно, предъ евангеліемъ Л. Н — ча. А предъ Евангеліемъ Господа Іисуса Христа?—Конечно, нѣтъ: ибо оно—благовѣстіе, Евангеліе жизни и радости для всѣхъ людей, какіе бы мундиры они ни носили. (Ср. Лук. III, 12—14).

Признавъ этотъ обвинительный пунктъ твердымъ мы должны однакожъ посмотрѣть и на себя — въ какомъ мы, т. е. Л. Н—чъ и я, положеніи. Это положеніе — весьма худо: своимъ евангеліемъ мы не только отстранили отъ себя всѣхъ слугъ государства, но и—что особенно важно—отстранили и всѣхъ истинныхъ друзей мира. Ибо они утверждаютъ, что самое первое условіе возможности утвердить

къ заступленію напаствуемымъ. Подчиненныя же ему правительства управляя на путь истины и правды и отъ лицепрятія и мздоимства отражая, и вся отъ Тебе державѣ Его врученныя люди въ нелицемѣрной содержа вѣрности. Сотвори Его Отца, о чадѣхъ веселящагося, и да удивиши милости Твоя на насъ Умножи дни живота Его въ нерушимомъ здравіи и непремѣняемомъ благополучіи; даруй же во дни Его и всѣмъ намъ миръ, безмолвіе, и благопоспѣшество, благораствореніе воздуха, земли плодоносіе, и вся ко временной и вѣчной жизни потребная“ Благодарственное ко Господу моленіе Марта 2 и Мая 15., л. рк. на оборотѣ.

[1]) Цит. РКП, стр. 203.

международный миръ состоитъ въ томъ, чтобы каждое государство въ отдѣльности утверждало и охраняло у себя *господство права и судебной власти*, а затѣмъ каждое изъ нихъ признало для себя *обязательнымъ принципъ между-народной третейской юрисдикціи* и что боевая сила (т. е. военное сословіе) государства и государствъ и должна именно въ качествѣ фактора мира гарантировать силу права государственнаго и междуроднаго, и судебной власти государственной и международной [1]).

А по нашему—суды и судьи—это люди со щепками въ глазахъ...

И вотъ мнѣ становится нѣсколько страшно: не остаться бы намъ (т. е. Л. Н—чу) совсѣмъ одинокими въ преслѣдованіи Церкви. Но меня утѣшаетъ то, что намъ остается разсмотрѣть только одинъ обвинительный пунктъ противъ православной Церкви, а именно: *зачѣмъ она освящаетъ воинскія знамена? Не очевидное ли это освященіе милитаризма?*

Здѣсь я долженъ прежде всего упомянуть о маленькой непріятности, которой подвергся Л. Н—чъ отъ одного критика своей художественной эпопеи 12 года, весьма извѣстнаго русскому народу лица *М. И. Драгомирова*, именно за то, что Л. Н—чъ однажды не осторожно коснулся т. ск. копьемъ своего художественнаго остроумія военныхъ знаменъ, подъ которыми русскія войска дѣйствовали на бородинскомъ боѣ. Л. Н—чъ назвалъ эти знамена: *„кусками матеріи на палкахъ“*. За это оструміе Л. Н—чъ получилъ слѣдующее внушеніе отъ своего критика: „Мы назвали—говоритъ онъ—фразу автора о знаменахъ странною и неумѣстною *именно съ его* стороны: на прощанье съ читателемъ мы обязаны показать, почему такъ думаемъ. Графу Толстому, конечно, извѣстна та особенность человѣческой натуры, въ силу которой всякая матеріальная вещь пріобрѣтаетъ значеніе для человѣка не столько сама по себѣ, сколько по тѣмъ понятіямъ, которыя онъ соединяетъ съ этой вещью. Съ этой точки,—самый ничтожный предметъ можетъ стать для человѣка святыней, сохране-

---

1) *Факторы мира въ соврем. жизни.* „Русская Мысль“ 1895, сент. стр. 114—119.

ніе которой для него сливается съ сохраненіемъ собственной чести и становится неизмѣримо выше сохраненія жизни. Мы идемъ дальше: спускаемся въ разрядъ тѣхъ вещей, съ которыми человѣкъ не соединяетъ собственно никакого особеннаго значенія и которыя бросаетъ, какъ только онѣ отслужили свой срокъ. Какое чувство возникаетъ въ васъ, если незнакомый человѣкъ, подойдя къ вамъ, и схвативъ положенную вами подлѣ хоть папиросницу, броситъ ее на полъ? Этотъ человѣкъ оскорбляетъ этимъ *васъ*, между тѣмъ какъ въ сущности онъ сдѣлалъ самое невинное дѣло— бросилъ на полъ копѣечную вещь. Изъ этого слѣдуетъ, что всякая, самая ничтожная вещь, становясь принадлежностью человѣка, обращенная какъ бы въ часть его самаго до такой степени, что грубый поступокъ относительно ея вы считаете уже посягательствомъ на ваше личное достоинство".

„Что вѣрно относительно единичныхъ личностей, то еще болѣе вѣрно относительно тѣхъ большихъ сборныхъ личностей, которыя называются баталіонами, полками. Не представляя по внѣшности одного существа, они нуждаются въ такихъ символахъ, въ такихъ вещественныхъ знакахъ, въ которыхъ индивидуальныя личности и не нуждаются: — въ вещественныхъ знакахъ, служащихъ осязательнымъ свидѣтельствомъ внутренняго духовнаго единенія людей, составляющихъ извѣстную часть. Знамя именно и есть этотъ символъ: въ порядочной части все можетъ умереть для войсковой жизни: одно остается не измѣннымъ и вѣчнымъ, насколько вѣчны созданія человѣка — *духъ* и *знамя* — его вещественный представитель. Часть, въ бою сохранившая знамя, сохранила свою честь неприкосновенною, не смотря на самыя тяжелыя, иногда гибельныя положенія; часть потерявшая знамя,—то же, что опозоренный и не отплатившій за свой позоръ человѣкъ. Взявъ это въ соображеніе, всякій согласится, что кусокъ матеріи, который соединяетъ около себя тысячи человѣкъ, сохраненіе котораго стоило жизни сотнямъ, а можетъ и тысячамъ людей, входившихъ въ составъ полка въ продолженіе его вѣковаго существованія — что такой кусокъ матеріи есть *святыня*,—не условная, военная святыня только, но святыня въ прямомъ и непосредственномъ значеніи этого слова,

и что изо всѣхъ трофеевъ это именно тотъ, *который болѣе всего свидѣтельствуетъ о нравственой побѣдѣ надъ врагомъ*, Графу Толстому не мѣшало бы помнить, что именно въ сраженіи подъ Бородинымъ французамъ не удалось взять ни одного изъ *этихъ* кусковъ матеріи на палкахъ; не мѣшало бы не забывать и того, что на концѣ этихъ палокъ утвержденъ символъ,— еще болѣе высокаго единенія,— символъ, который, какъ ему извѣстно, имѣетъ далеко не одно формальное значеніе для русскаго человѣка: не мѣшало бы не забывать того, наконецъ, что до Петровской реформы на этихъ кускахъ матеріи рисовались образа [1]), что давало знаменамъ то дѣйствительное значеніе военной и религіозной святыни, которое онѣ имѣли у народа, лучше всѣхъ понимавшаго эти вещи, — у народа римскаго“ [2]).

Вотъ внушеніе, сдѣланное Л. Н—чу его критикомъ за неумѣстное остроуміе! Признаюсь, я нѣсколько разъ перечитывалъ это внушеніе, стараясь уразумѣть не то, насколько оно обидно или безобидно для самолюбія Л. Н—ча, котораго, какъ будто намѣренно критикъ его называетъ графомъ Толстымъ, а не просто авторомъ, а то, на сколько оно вообще серьезно, т. е. слѣдуетъ ли его принять къ свѣдѣнію, или же оставить безъ вниманія, какъ совершенно, такъ сказать не важное и ничѣмъ собственно не угрожающее, если я даже пренебрегу имъ — и по тщательномъ размышленіи пришелъ къ убѣжденію, что оно — весьма серьезно и есть строго говоря не внушеніе, а весьма деликатное, можно сказать дружеское предостереженіе. Именно я понялъ его слѣдующимъ образомъ: издѣваться надъ русскими военными знаменами можно безопасно и русскому человѣку, но только на довольно большомъ отъ нихъ разстояніи: если же кто вздумаетъ со своими издѣвательскими намѣреніями, хотя бы даже выраженными только словомъ

---

[1]) И всякій истинный военный глубоко пожалѣетъ, что этотъ прекрасный обычай оставленъ

Въ послѣднее царствованіе онъ къ счастью возстановленъ. Примѣч. издат. или самого автора.

[2]) *М. И. Драгомировъ*. Разборъ романа „Война и Миръ“, Кіевъ 1895, стр. 92—94.

приблизиться на такое разстояніе, что можетъ дотронуться до нихъ руками, тотъ поступитъ также неосторожно и неразумно какъ неосторожно и неразумно поступаетъ медвѣдь, отважно напирающій на рогатину, въ него вонзающуюся. Ибо, какъ показало напр. Бородинское сраженіе, русскіе военные до тѣхъ поръ будутъ держать свои рогатины противъ напирающихъ на ихъ знамена враговъ, пока ихъ самихъ не перебьютъ.

Но, раздумывая еще далѣе надъ урокомъ, преподаннымъ Л. Н—чу г. Драгомировымъ, я по отношенію къ вопросу о милитаризмѣ, могу обойти этотъ урокъ слѣдующимъ образомъ: Л. Н—чъ и вслѣдъ за нимъ я будемъ проходить мимо русскихъ кутузовскихъ знаменъ съ подобающимъ имъ, хотя съ нашей стороны и не искреннимъ, уваженіемъ и войдемъ такимъ образомъ безпрепятственно въ православный храмъ въ то время, когда въ немъ происходитъ чинъ освященія воинскихъ знаменъ. Мы прибѣгнемъ къ этому лицемѣрію съ благородною цѣлью, именно съ тою, чтобы еще болѣе усилить свое обвиненіе Православной Церкви въ милитаризмѣ. Мы будемъ разсуждать такъ: если русское воинское знамя такъ страшно само по себѣ, что одно простое, словесное издѣвательство надъ нимъ, совершенное вблизи его, грозитъ неминуемою и позорною смертью, то для чего же Православная Церковь освящаетъ это страшное орудіе смерти? И какъ она можетъ освящать его, исповѣдуя въ то же время, что Истинный Богъ есть Богъ мира и Отецъ щедротъ?

Обрядъ освященія воинскаго знамени Православная Церковь предписываетъ совершать съ большою торжественностію

Освященіе совершается въ храмѣ священникомъ или архіереемъ и что особенно для насъ неловко—въ присутствіи множества военныхъ. Внесенное во храмъ для освященія знамя ставится развернутымъ на амвонъ. Совершающій освященіе архіерей или священникъ, стоя въ алтарѣ предъ престоломъ, начинаетъ обычное молебное пѣніе; діаконъ послѣ этого говоритъ обычную эктенію *миромъ* Господу помолимся, но присоединяя нѣкоторыя особенныя прошенія. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ:

„О еже не помянути грѣховъ и беззаконій нашихъ, но

яко благосерду, и милостиву намъ быти, недостойнымъ рабомъ своимъ въ бѣдахъ сущимъ, и избавити насъ отъ враговъ нашихъ".

„О еже всѣхъ враговъ нашихъ на знаменія сія взирающихъ, дерзновеніе въ страхъ, силу во ослабу, и мужество въ малодушіе и бѣгство превратити".

„О еже премѣнити всю скорбь и сѣтованіе наше на радость и веселіе и бѣдствованіе въ твердый миръ и непреборимыхъ отъ всѣхъ вражіихъ навѣтовъ всегда сотворити".

„О еже подати избаву вѣрнымъ рабомъ своимъ отъ нашествія иноплеменникъ и отъ всѣхъ бранемъ хотящихъ человѣковъ и ратныхъ нахожденій, и въ мирѣ глубоцѣ Церковь, императора же и люди своя соблюсти, побѣду имъ на враги всегда даруя".

Послѣ этой эктеніи освящающій знамена выходитъ изъ алтаря, становится за амвономъ предъ знаменемъ и стоя съ лицемъ обращеннымъ къ востоку читаетъ вслухъ одну молитву, а по прочтеніи ея обращается лицомъ къ западу— къ предстоящимъ воинамъ еще молитву (содержаніе ихъ тоже, что и прошеній діакона), за тѣмъ окропляетъ знамя святою водою, произнося слѣдующія слова: „Благословляется и освящается знаменіе сіе воинское въ крѣпость и утвержденіе христоименитому воинству и въ побѣду на вся враги, окропленіемъ воды сея священныя во имя Отца и Сына и Св. Духа".

Потомъ, если освящающій—архіерей, то онъ садится на свое мѣсто и колѣнопреклоненному воину знаменоносцу даетъ освященное знамя въ руки, произнося слѣдующія слова:

„Пріими хоругвь сію, небеснымъ благословеніемъ освященную: буди же та врагомъ христіанскаго рода страшна и ужасна: и да дастъ ти Господь благодать, яко да къ славѣ имени Его Пресвятаго тою пройдеши мужественно вражія ополченія не вредимъ, во Имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь". И благословляетъ его, говоря: миръ ти. Онъ же пріемля хоругвь лобзаетъ десницу подавшаго ю" [1]).

Достопримѣчательно, что въ первой своей молитвѣ

---

[1]) Чинъ освященія знаменія, л ρϛ.—ρϵ.

освящающій знамена дѣлаетъ обращеніе къ Богу въ такихъ словахъ: „Ты еси Царь мира и Богъ, сокрушаяй брани и крѣпость даяй уповающимъ на Тя“.

Я думаю, что этого сокращенно мною сдѣланнаго изложенія обряда освященія воинскаго знамени вполнѣ достаточно для рѣшительнаго отвѣта на вопросъ: Православная Церковь этимъ обрядомъ освящеатъ милитаризмъ или нѣтъ?

Нѣтъ и нѣтъ!...

Напротивъ, въ своихъ молитвахъ при этомъ обрядѣ она съ особеннымъ усердіемъ призываетъ воиновъ обращаться къ Богу, *Сокрушителю браней,* молиться о томъ, чтобы миръ былъ всегда, чтобы Богъ избавилъ христіанъ отъ людей *хотящихъ браней*,—и все ея дѣйствованіе въ этомъ обрядѣ надъ знаменіемъ оканчивается тѣмъ, что оно превращается въ священную хоругвь, т. е. то знамя мира, съ которымъ Церковь совершаетъ свои крестные ходы, то знамя мира, котораго и добиваются и должны добиваться западные друзья мира, дѣйствующіе пока лишь подъ знаменемъ науки и совѣсти.

Да, Православная Церковь, освящая воинское знамя утверждаетъ за нимъ своимъ благословеніемъ небеснымъ то его религіозно-нравственное значеніе, которое намъ выяснилъ Г. М. И. Драгомировъ.

Но этого мало. Церковь молитъ еще Бога, Сокрушителя брани, чтобы Онъ и самому носителю этого знамени далъ благодатную силу мужества предъ лицомъ самой смерти и ослабилъ мужество и крѣпость дерзновенно возстающихъ на Бога Сокрушителя браней и па Его Священную хоругвь. Это—если угодно—тотъ Крестъ, которымъ христіанка-мать благословляетъ своего сына, идущаго на войну; это—если угодно—тѣ святыя схимы, которыми благословилъ Препод. Сергій своихъ монаховъ, отправляя ихъ на войну противъ Мамая...

И вотъ Л. Н – чъ въ это-то именно знамя метнулъ своимъ остроуміемъ, не вѣдая, конечно, что творитъ и за это поплатился.

Здѣсь я оканчиваю свое союзничество съ нимъ по обвиненію Св. Православной Церкви въ милитаризмѣ, оканчиваю потому, что далѣе некуда уже идти. Мы разсмотрѣли всѣ „вины“ Церкви и оказались сами кругомъ виноватыми

предъ Нею, получивъ даже очень внушительное, хотя и дружеское предостереженіе.

Съ добросовѣстностью и ловкостью секретаря Л. Н—ча я докладывалъ ему, что̀ сильно и что̀ слабо въ нашемъ обвинительномъ противъ Церкви актѣ, я ходилъ съ его евангеліемъ около Церкви, произнося хульныя слова и указывая ему слабыя, повидимому, мѣста Церкви и это хожденіе наше—какъ всѣ видѣли—приводило насъ все сильнѣе и сильнѣе къ сознанію нелѣпости предпринятаго нами дѣла, пока, наконецъ, мы не доходились по этому дѣлу до того, что теперь Л. Н—чъ предлежитъ, какъ нѣкогда благородны Ламанчскій рыцарь совсѣмъ разбитымъ отъ неблагоразумнаго употребленія своего критическаго остроумія и я, его вѣрный Санхо-Панчо, стою надъ нимъ, не зная чѣмъ помочь своему господину. И мы оба остаемся совершенно одинокими въ своемъ грустномъ положеніи, вызывая въ Васъ только усмѣшки и развѣ-развѣ одно симпатическое, гуманное чувство—чувство сожалѣнія.

Да, не я, доселѣ предстоявшій предъ Вами въ роли оруженосца Л. Н—ча, и никакой дѣйствительный его оруженосецъ и никто изъ людей, а развѣ только христіанинъ, облеченный Св. Православною Церковію въ званіе священника можетъ вывести Л. Н—ча изъ его поистинѣ печальнаго и ужаснаго положенія. Да, я увѣренъ, что смиренно подчинившись пастырскому воздѣйствію священника, Л. Н-чъ сжегъ бы своими руками и свой обвинительный актъ противъ Церкви, и все свое хульное, циничное лжеевангеліе; мало того, онъ принялся бы съ истинно художественною ревностію за дальнѣйшую обработку своей эпопеи и тогда предсталъ бы предъ лицомъ не только Россіи, предъ всѣми званіями и состояніями ея, но и предъ другими народами великимъ симпатичнымъ, христіанскимъ художникомъ; тогда бы онъ—я обязанъ сказать ему это—возстановилъ бы свое право на званіе „друга мира“,—званіе, которое теперь онъ носитъ *не по праву, но хищнически-лицемѣрно!*

Вмѣстѣ съ тѣмъ, во имя этого же, можетъ быть наивнаго, но искренняго съ моей стороны благожеланія Л. Н—чу я почитаю своимъ долгомъ *объяснить*, какъ случилось, что онъ, стремясь искренно—въ чемъ я не позволяю себѣ сомнѣваться—во имя Христа—къ миру и любви оказался те-

перь въ трагическомъ положеніи, ставъ въ оппозицію государствамъ, Православной Церкви и друзьямъ мира, образовавъ на ряду съ ними жалкую секту, едва терпимую.

Случилось это отъ того, что Л. Н—чъ, возмнилъ себя тонкимъ мыслителемъ и не съумѣя понять истиннаго Евангелія отважился преобразовать Его въ очень краткую *систему нравственности*, положивъ въ основаніе ея съ одной стороны неправильно имъ понятое ученіе Господа, изложенное въ нагорной проповѣди, съ другой совершенно отвергнувъ въ Христѣ Божество и представивъ Его только идеаломъ своей же, т. е. Л. Н—ча, системы въ образѣ бродяги.

Эта система ему такъ понравилась, что въ увлеченіи ею онъ опустилъ изъ виду, что его система есть все таки только система, а не само Евангеліе, опустилъ изъ виду, что не онъ первый и единственный занялся этимъ дѣломъ, но что съ появленія во вселенной Евангелія явились уже мало сказать тысячи,—милліоны системъ и нравственныхъ и догматическихъ, на немъ основанныхъ. И—что особенно замѣчательно—всѣ эти системы, не смотря на глубокую, доходящую иногда до полнаго противорѣчія рознь, относясь между собою какъ+и—, непремѣнно заявляютъ претензію на свое наибольшее соотвѣтствіе Евангелію. Одно только это Евангеліе среди этихъ системъ остается всегда тождественнымъ, всегда себѣ равнымъ и таковымъ пребудетъ до конца міра. И Святая Церковь поставляетъ своею священною задачею всегда охранять эту тождественность Евангелія и всѣмъ проповѣдывать одиное Евангеліе вѣчное. Это однако же не препятствуетъ и въ самой Церкви существовать милліонамъ системъ на немъ осповывающихся; не препятствуетъ и Церкви одни изъ этихъ системъ одобрять, другія—порицать: одни признавать болѣе соотвѣтственными Евангелію, другія—менѣе и т. д. Но какъ всѣ эти милліоны систематиковъ, такъ и сама она въ своей оцѣнкѣ ихъ системъ состоятъ такъ сказать подъ контролемъ Евангелія. Отсюда каждый сынъ церкви *вѣруетъ* въ одно и то же Евангеліе, но въ болѣе или менѣе глубокомъ *разумѣніи его* можетъ различествовать отъ каждаго другаго.

Въ жалкой сектѣ Л. Н—ча, какъ и въ другихъ безчисленныхъ сектахъ, дѣло происходитъ наоборотъ: здѣсь не

Евангеліе контролируетъ систему, а система — Евангеліе, здѣсь есть *вѣра въ систему* Л. Н—ча или кого другаго, но *нѣтъ вѣры въ Евангеліе* Господа Іисуса Христа.

Бѣда, постигшая Л. Н—ча въ его передѣлкѣ Евангелія была бы еще не такъ ужасна, если бы, устыдившись признать въ смиренномъ образѣ Іисуса *Бога, во плоти пришедша,* онъ цѣликомъ удержалъ хотя бы Его нравственное ученіе, хотя бы только одну нагорную проповѣдь, но *не прикосновенною.* Тогда бы его система, названная имъ моимъ евангеліемъ, моею вѣрою была бы такъ сказать хоть четвертью Евангелія. Тогда бы и самъ Л. Н—чъ, и его послѣдователи сохранили бы по крайней мѣрѣ за собой право именоваться христіанами: поелику они все таки проповѣдывали бы тогда нравственное ученіе Христа.

Но Л. Н—чъ пошелъ много далѣе. Онъ совершенно исказилъ и самую нагорную проповѣдь Христа, и это искаженіе изложилъ въ видѣ краткаго катихизиса, въ которомъ уже нѣтъ ни одежды, ни Духа Христова, а есть просто какое то ученіе въ родѣ буддизма. Вотъ этотъ катихизаторъ Л. Н—ча:

„Іисусъ—читаемъ у него — высказываетъ эти пять правилъ, именно. не сердись, не [1]) (невозможное для произнесенія правило), не присягай, не судись, не воюй".

„Іисусъ говоритъ: вотъ пять правилъ, но всѣ они сходятся въ одно. Правило это: то, что ты желаешь, чтобы дѣлали для тебя другіе, то самое дѣлай другимъ. Это правило замѣняетъ весь прежній законъ" [2]).

Признаюсь, когда я читалъ эти правила, меня охватилъ ужасъ, на меня повѣяло холодомъ смерти—смерти не физической, но нравственной, духовной; и я долго не могъ успокоиться отъ мысли: человѣческая ли рука писала эти правила? Человѣческій ли голосъ я слышу, произнося вслухъ эти правила?..... Да, не велики эти правила нравственности; но кто можетъ исполнить не говорю всѣ, но только одно первое правило: *не сердись?* Какъ могу я не сердиться, пока во мнѣ бьется сердце? Какъ могу я не сердиться, не

---

[1]) Не блядуй.

[2]) Цит. РКІІ. стр. 236.

волноваться даже сію минуту, лишь произнося эти пять правилъ подъ именемъ правилъ Іисуса Христа Сына Божія?

Это правило можетъ выполнить только тотъ, кто заглушилъ въ себѣ самъ, или въ комъ заглушено, подавлено, убито, всякое нравственное чувство, чувство чести, стыда, совѣсти, словомъ можетъ это правило выполнить только т. ск. нравственный трупъ. И всѣ эти правила не для живыхъ людей, вѣдующія ихъ въ жизнь вѣчную, каковы подлинныя правила Господа, а правила прямо ведущія къ нравственной смерти, равно какъ и все евангеліе Л. Н—ча— не Евангеліе жизни, а *евангеліе смерти.*

Отчего же произошло такое превращеніе нагорной проповѣди Господа подъ реформаторскимъ перомъ Л. Н—ча?

Произошло это, по моему мнѣнію, во 1-хъ отъ того, что Л. Н—чъ *просмотрѣлъ* несомнѣнно присущее нагорной проповѣди свойство, именно — что она есть *не ученіе* только нравственное, какъ понялъ онъ, но и положительный законъ и законъ — съ одной стороны въ высочайшей степени совершенный и прекрасный [1]), но съ другой и *грозный законъ.*

Такъ, возьмемъ для доказательства слѣдующее мѣсто нагорной проповѣди надъ которымъ не мало трудился Л. Н—чъ. *„Слышасте, яко речено бысть древнимъ: не прелюбы сотвориши Азъ же глаголю вамъ, яко всякъ иже воззритъ на жену ко еже вожделѣти ея, уже любодѣйствова съ нею въ сердцѣ своемъ* (Мо. V, 27—28). Что это: нравственная сентенція, или же законъ? Законъ, закопъ—до очевидности. А каковъ этотъ законъ? Справимся, какое наказаніе у Моисея опредѣлено за прелюбодѣяніе. Оказывается — смерть (чрезъ побитіе камнями). Что же? Отмѣняется ли закономъ Христа это наказаніе?—Ни откуда не видно — скажетъ какой угодно юристъ. Напротивъ, Христосъ необыкновенно расширяетъ объемъ понятія „прелюбодѣяніе“, караемаго закономъ Моисея, подводя подъ это-же понятіе и нарушеніе лишь первыхъ словъ X-й заповѣди Закона Божія. Видите-ли насколько законъ нагорной проповѣди суровѣе закона Моисеева! Но онъ — нужно доба-

[1]) „Благъ мнѣ законъ Устъ Твоихъ, паче тысящъ злата и сребра, Псал 118.

вить—не только суровѣе, но и не умолимѣе: ибо Христосъ сказалъ: *аминь глаголю вамъ: дондеже прейдетъ небо и земля, іота едина, или едина черта не прейдетъ отъ закона, дондеже вся будутъ*“ [1]). Отъ какого закона? — Отъ закона нагорной проповѣди—и въ этомъ его преимущественное совершенство предъ закономъ Моисея: ибо послѣдній можно еще какъ нибудь обойти, чтобы избѣгнуть грознаго наказанія: законъ нагорной проповѣди нельзя обойти никакъ: ибо судія и отмститель—каратель за нарушеніе его—самъ Богъ, сказавшій: *Мнѣ отмщеніе и Азъ воздамъ*. Съ точки зрѣнія юридической—въ этомъ именно его и совершенство: ибо нарушеніе закона влечетъ за собою *неизбѣжную кару*, и было время—долженъ я сказать—когда не кто иной, а именно Л. Н—чъ былъ весьма близокъ къ истинному разумѣнію этого именно юридическаго совершенства закона нагорной проповѣди—именно когда онъ писалъ свой высокохудожественный романъ: „Анна Каренина“. Съ художественной точки зрѣнія этотъ романъ, кажется мнѣ, не подражаемъ. Но Л. Н—чъ не удовольствовался при писаніи его только художественными интересами, онъ пожелалъ придать ему и нравственно-тенденціозное значеніе, поставивъ эпиграфомъ къ нему: „*Мнѣ отмщеніе и Азъ воздамъ*“. Этимъ эпиграфомъ *моралистъ* нѣсколько стѣснялъ *художника*: ибо по требованію перваго подъ поѣздомъ должна бы окончить жизнь не эта симпатичная мать-прелюбодѣйца Анна Каренина, а „жившій по правиламъ житейской морали и никому не сдѣлавшій въ жизни зла“, очаровательный г. Вронскій. Но къ счастью, на этотъ разъ чутье художника взяло перевѣсъ надъ требованіемъ узкаго моралиста и романъ ничего не потерпѣлъ ни въ художественной правдѣ, ни въ качествѣ поучительнаго—въ нравственномъ отношеніи повѣствованія—но послѣднее только для *твердо вѣрующаго въ слова: Мнѣ отмщеніе и Азъ воздамъ*. Ибо какъ скоро въ читателѣ романа тверда вѣра въ Этого Судію и Отмстителя — не значитъ ничего, что и Вронскій избѣгнулъ отъ суда людскаго: онъ не избѣгнетъ Божьяго Суда. А если этой вѣры нѣтъ, тогда развязка романа дѣйствительно способна при-

---

1) Мѳ. V, 18.

вести *такого невѣрующаго* читателя не только *въ унынiе, но и въ отчаянiе.*

Мнѣ не извѣстно, какимъ умственнымъ процессомъ, или какими жизненными обстоятельствами Л. Н—чъ дошелъ до этого унынiя и отчаянiя и отвергся отъ вѣры въ Бога — нелицепрiятнаго Судiю и Отмстителя за нарушенiе Его Закона, но онъ самъ высказалъ это свое унынiе и отчаянiе, равно какъ и утрату этой вѣры — въ своихъ моральныхъ философскихъ сочиненiяхъ и въ своихъ ужаснѣйшихъ и чудовищныхъ къ нимъ иллюстрацiяхъ каковы: „Власть тьмы", „Плоды просвѣщенiя", „Крейцерова Соната". Да, отъ этихъ произведенiй Л. Н—ча вѣетъ холодомъ могилы, могилы уже не только т. ск. нравственной, но и *физической:* и горе человѣчеству, если оно, внимая этимъ произведенiямъ и подражанiямъ имъ, задумаетъ по нимъ устраивать свою семейную жизнь; тогда въ скоромъ времени наступитъ на землѣ вѣчный мiръ.... кладбища, гдѣ дѣйствительно не уклонно выполняется обитателями его первое правило катихизиса Л. Н—ча—*„не сердись"!* Да, уже и въ настоящее время какъ будто иногда сказываются нѣкоторые признаки этого грознаго послѣдствiя невѣрiя, унынiя и отчаянiя, какъ будто и въ настоящее время въ виду нѣкоторыхъ литературно-беллетристическихъ заявленiй не худо вспомнить слова пророка Iеремiи, сказавшаго про свое время: *гласъ въ Рамѣ слышанъ бысть, плачъ и рыданiе, и вопль многъ: Рахиль плачущися чадъ своихъ и не хотяше утѣшитися, яко не суть* [1]) и потомъ Евангелистомъ повторенныя по поводу повелѣнiя Ирода *избить всѣхъ младенцевъ въ Виѳлеемѣ и во всѣхъ предѣлахъ его отъ двухъ лѣтъ и ниже"* [2])....

2) Въ божественномъ Лицѣ Христа, Сына человѣческаго Л. Н—чъ не усмотрѣлъ пришедшаго на землю исполнить *всяку правду* т. е. не только строгiй законъ Моисея, но и еще болѣе строгiй законъ Нагорной проповѣди. И Этотъ Сынъ Человѣческiй, какъ повѣствуетъ Церковное Евангелiе и какъ предсказывали за долго до пришествiя его на землю Iудейскiе пророки исполнилъ этотъ законъ *весь* и

---

[1]) Iеремiи, XXXI, 15.
[2]) Мѳ. II, 16, 18.

„ни единаго зла сотвори, ниже обрѣтеся лесть во устѣхъ Его“. Оттого Онъ и былъ какъ Учитель закона, такъ симпатиченъ всѣмъ: ибо и самый законъ исполненный Имъ всецѣло, былъ и есть законъ совершеннѣйшій и по своему содержанію, т. е. по тѣмъ заповѣдямъ, которыя предлагаются въ немъ какъ правила жизни, хотя по временамъ самые внимательные слушатели Божественнаго Учителя и преданнѣйшіе Ему ученики возражали ему, говоря: *кто убо можетъ спасенъ быти?* А Онъ имъ отвѣчалъ на это: *отъ человѣкъ сіе невозможно, у Бога же вся возможна.* Что же это значитъ? Это значитъ, что если высотою своею заповѣди Закона Божія привлекаютъ къ себѣ, услаждаютъ сердце человѣка, то, напротивъ, немощность человѣческой природы, испорченной грѣхопаденіемъ, приводитъ человѣка къ сознанію его всегдашней виновности предъ Закономъ Божіимъ и безсилія его исполнить. Или—какъ говоритъ Апостолъ *соуслаждаюся закону Божію по внутренняему человѣку.... но еже не хощу злое, сіе содѣваю* (Римл. VII, 19—22).

Въ Божественномъ Лицѣ Христа Л. Н—чъ, какъ и нѣкоторые другіе философы-моралисты не усмотрѣлъ *Искупителя* и *Спасителя* всѣхъ людей.

Въ чемъ состоитъ значеніе тайны искупленія? Оно состоитъ въ томъ, что Христосъ, не сотворившій ни единаго зла, былъ распятъ на крестѣ и этою, однажды принесенною, жертвою оправдалъ всѣхъ людей предъ правосудіемъ Божіимъ. Яснѣе можно представить значеніе этой искупительной жертвы такъ: каждый человѣкъ, нарушившій евангельскій законъ, повиненъ Божественному суду и подлежитъ карающему суду Божественнаго Правосудія. И этотъ судъ будетъ производить Сынъ Божій, во плоти пришедшій въ смиренномъ образѣ раба, но за Свою добровольную крестную жертву получившій отъ Отца власть судить живыхъ и мертвыхъ, когда снова пріидетъ на землю уже въ славѣ Своей.

Но своею жертвою за грѣхи міра Христосъ не только освободилъ людей отъ наказанія за нарушеніе закона, т. е. отъ проклятія и смерти, но и примирилъ ихъ съ Отцемъ и получилъ отъ Него всякую власть на небеси и на земли, т. е не только карающую, но и милующую и все про-

щающую. Вслѣдствіе сего произошло то, что Евангеліе, съ одной стороны, проповѣдуемъ весьма строгій законъ, предъ которымъ никто изъ людей не можетъ быть правымъ, но съ другой—проповѣдуетъ Бога Слова, Своею крестною жертвою избавившаго насъ отъ проклятія и смерти и дарующаго намъ благодать — возблагодать — всепрошающее милосердіе Божіе, которое не побѣждается никакими человѣческими грѣхами.

Такимъ образомъ и выходитъ, что православный священникъ,—въ качествѣ учителя Закона Божія, возвѣщая законъ Евангельскій, съ одной стороны возбуждаетъ въ ученикахъ своихъ чувство *смиренія* предъ Богомъ и сознаніе виновности; съ другой возбуждаетъ *любовь къ Исполнителю* этого закона и стремленіе Ему подражать и наконецъ *надежду*, за свое смиреніе и сознаніе виновности и безсилія исполнить законъ—получить благодатную помощь въ стремленіи къ исполненію его, отсюда—*мужество* въ борьбѣ съ злыми стремленіями.

Итакъ система Л. Н—ча, хотя и отрицательно, но весьма убѣдительно доказываетъ, что долгъ систематика нравственнаго христіанскаго ученія состоитъ въ безусловной вѣрѣ въ Евангеліе: только при этой вѣрѣ возможно предохранить себя отъ возможности стать въ рѣзкое ему противорѣчіе.

Во 2-хъ, нужно всегда помнить, что выведенное систематикомъ изъ подлиннаго ученія Христа нравственное правило, есть всегда *правило системы*, а не правило Евангелія.

Въ 3-хъ никогда не должно забывать, что нагорная проповѣдь есть не только *основа* для нравственнаго христіанскаго ученія, но и Божественный Законъ, котораго ни одна іота и черта не должна быть зачеркиваема.

Руководясь этими правилами мы и приступимъ теперь къ рѣшенію вопроса, какъ должно смотрѣть на войну и на военную службу съ точки зрѣнія Евангелія?

Л. Н—чъ утверждаетъ, что Христосъ прямо сказалъ не *воюй*, я же утверждаю, что это есть только выводъ его, а отнюдь не правило Господа Іисуса Христа. Что же? Значитъ Евангеліе узаконяетъ войну?—Нѣтъ.

Въ Евангеліи нѣтъ отвѣта на этотъ вопросъ, но есть

мѣста въ нагорной проповѣди, на основаніи которыхъ можно рѣшать этотъ вопросъ.

Ближайшимъ образомъ сюда относится слѣдующее мѣсто: *„Слышасте, яко речено бысть древнимъ: не убіеши: иже бо аще убіетъ, повиненъ есть суду. Азъ же глаголю вамъ, яко всякъ гнѣваяйся на брата своего всуе, повиненъ есть суду; иже бо аще речетъ брату своему рака,— повиненъ есть сонмищу, а иже речетъ уроде, повиненъ есть геенньѣ огненнѣй“*. (Мѳ. V, 21, 22).

На основаніи этого Евангельскаго закона можно легко сдѣлать слѣдующій выводъ для отрицанія нравственной законности войны.

Разъ евангельскій законъ говоритъ ясно: не убій, а война предполагаетъ необходимо убійства, необходимо слѣдуетъ, что война есть явное ,нарушеніе закона не убій, что она ни оборонительная, ни наступательная—незаконна, а есть тяжкій грѣхъ и тяжкое преступленіе евангельскаго закона.

Выводъ логически возможный и можно даже сказать болѣе—*правильный и вѣрный*. Но во 1-хъ, всетаки должно признать, что это всетаки *выводъ*, а *не* подлинный евангельскій *законъ;* во 2-хъ тотъ же самый евангельскій законъ не устраняетъ возможности сдѣлать изъ него и выводъ какъ разъ противоположный, а именно:

Во 1-хъ, убійства люди совершаютъ не только на войнѣ, но и въ мирное время и по человѣческому суду совершенно оправдываются, напр. въ случаѣ необходимой самообороны, сдѣланныя въ запальчивости и раздраженіи, сдѣланныя—безъ желанія убить, а только навести страхъ.

Во 2-хъ, законъ евангельскій, взятый во всей строгости неисполнимъ для человѣка и въ жизни возможно, что совершаютъ нарушеніе заповѣдей хотя и меньшихъ заповѣди не убій, но не извиняются, тогда какъ нарушеніе этой заповѣди охотно извиняется при облегчающихъ обстоятельствахъ.

Въ 3-хъ, въ евангельскомъ законѣ сказано „не убіеши“, а не сказано — не убивайте, и вообще не говорится ничего о войнѣ; слѣд., еще вопросъ: не имѣется ли здѣсь въ виду только самовольное убійство однимъ человѣкомъ другого,—убійство въ смыслѣ уголовнаго преступленія.

И во всякомъ случаѣ разъ нѣтъ въ Евангеліи яснаго запрещенія войны—она возможна и законна.

Вотъ контра-выводъ.

И должно сказать, что это — не только возможные выводы, но и дѣйствительно уже сдѣланные: образецъ перваго представляется въ системѣ Л. Н — ча, образцы другого—въ нѣкоторыхъ полемическихъ противъ него статьяхъ.

Мало того, мнѣ кажется, что и тотъ и другой выводъ логически одинаково законны, а посему, кажется, нельзя и надѣяться, что когда-нибудь окончится полемика между этими радикально-противуположными системами. Поэтому вопросъ можетъ быть рѣшенъ только о сравнительномъ достоинствѣ той или другой, но отнюдь не о полной несостоятельности.

И вотъ теперь я, доселѣ полемизировавшій противъ Л. Н — ча, припоминая молитвы Церкви православной о мирѣ всего міра, даже принужденъ, сверхъ его ожиданія, сказать, что его *ученіе* о войнѣ, какъ *система*, болѣе сходно съ воззрѣніемъ Церкви, нежели ученіе его оппонентовъ.

Но, дѣлая ему эту такъ сказ. уступку, я еще съ большею настойчивостью требую и отъ него признанія, что въ законѣ Евангельскомъ нѣтъ прямого рѣшенія вопроса о войнѣ, ни въ положительномъ, ни въ отрицательномъ смыслѣ.

Этимъ я и закончилъ бы свою рѣчь о войнѣ и мирѣ, если бы моя задача состояла лишь въ томъ, чтобы высказать личный мой взглядъ на то, какая изъ нравственныхъ системъ болѣе соотвѣтственна Евангелію и Св. Церкви Православной. Но не эта моя задача и я не имѣю права браться за нее, не имѣю права потому, что личный взглядъ— чей бы то ни было, тѣмъ болѣе мой, не имѣетъ никакого значенія.

Моя задача — въ томъ, чтобы показать, какъ *должно* рѣшить этотъ вопросъ, именно съ точки зрѣнія *каноновъ* Православной Церкви.

Что же говорятъ о войнѣ каноны Церкви? Дозволительна она, или нѣтъ?

Они говорятъ—долженъ я отвѣтить то же, что—и Евангеліе, т. е. не даютъ прямого и яснаго отвѣта. Но за то

они говорятъ о неизбѣжныхъ послѣдствіяхъ войны — убійствахъ, о воинахъ, убивающихъ враговъ и воинахъ, убиваемыхъ на войнѣ, о лицахъ священнаго сана, участвующихъ въ войнахъ. И вотъ для рѣшенія этихъ то вопросовъ каноны православной Церкви представляютъ такое твердое основаніе, какого тщетно было бы искать въ различныхъ системахъ моралистовъ.

Такъ, на первый, важнѣйшій изъ этихъ вопросовъ, дозволительно или недозволительно убійство врага на войнѣ, каноны ясно говорятъ: убійство никогда не дозволительно; убійство всегда есть убійство, т. е. грѣхъ. „Нанесшій ближнему смертный ударъ есть убійца; онъ ли первый нанесъ ударъ или отмщалъ“—говоритъ 43-е правило св. Василія Великаго.

При столь ясномъ и категорическомъ тонѣ правила Св. Отца, повидимому, уже нѣтъ нужды въ дальнѣйшихъ поискахъ за какими бы то ни было разъясненіями. Но это, однакоже,—далеко не такъ. Тотъ же Св. Отецъ въ своемъ 13-мъ канонѣ говоритъ слѣдующее: „Убіеніе на брани отцы наши не вмѣняли за убійство, *извинял*, какъ мнится мнѣ, поборниковъ цѣломудрія и благочестія. Но, можетъ быть, добро было бы совѣтовати, чтобы они, какъ имѣющіе нечистыя руки, три года удержалися отъ пріобщенія (токмо) святыхъ таинъ“.

Первая половина правила наводитъ какъ будто на мысль, что убіеніе врага на войнѣ вовсе не есть грѣхъ, потому что не вмѣняется за убійство. По на это должно сказать, что понятіе *вмѣненія* или *невмѣненія* на юридическомъ языкѣ означаетъ нѣсколько не то, что этими словами обозначается на языкѣ обиходномъ, общеупотребительномъ. На послѣднемъ весьма часто *не вмѣнять* означаетъ просто считать *невиннымъ*, на языкѣ же юридическомъ не вмѣнять означаетъ только *освобождать отъ наказанія*, опредѣленнаго за вину. Такъ точно и въ этомъ правилѣ. У отцовъ, о которыхъ говоритъ Св. Василій Великій, сомнѣнія не возникало о томъ, есть ли убіеніе врага на войнѣ убійство, или оно не есть убійство; не этотъ вопросъ они рѣшали, а вопросъ о томъ, наказывать ихъ, или же прощать, извинять совершенно? И рѣшили—извинять, какъ—покрывавшееся ихъ подвигомъ въ дѣлѣ защиты

оружіемъ цѣломудрія и благочестія. Но Св. Василій Великій почиталъ такое отношеніе къ убійству на войнѣ слишкомъ снисходительнымъ и совѣтывалъ удостоивать св. Причащенія только чрезъ три года покаянія.

Должно сказать, впрочемъ, что въ числѣ церковныхъ каноновъ есть одно, рѣзко выдѣляющееся своею особенностью по данному вопросу правило, именно — правило св. Аѳанасія Александрійскаго, которое, между прочимъ, говоритъ: „не позволительно убивать: но убивать враговъ на брани и законно, и похвалы достойно. Тако великихъ почестей *сподобляются* доблестные въ брани, и воздвигаются имъ столпы, возвѣщающіе ихъ превосходныя дѣянія. Такимъ образомъ, одно и тоже, смотря по времени, и въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ не позволительно, а въ другихъ обстоятельствахъ, и благовременно, допускается и позволяется“ [1]).

Достопримѣчательно, что признаваемые классическими комментаторы на эти, именно, слова св. Аѳанасія и указываютъ въ объясненіе начальныхъ словъ предыдущаго правила: „отцы наши“. Но кажется намъ, что это указаніе совершенно неосновательно, ибо, если бы это было такъ, то ничто не препятствовало бы св. Василію такъ и выразиться: „отецъ нашъ Аѳанасій“; во-вторыхъ, эта ссылка неудачна потому, что ссылка—не на тему: два отца говорятъ о двухъ разныхъ предметахъ; св. Василій о живыхъ солдатахъ, возвратившихся съ войны, а св. Аѳанасій о знаменитыхъ полководцахъ, въ память которыхъ воздвигаются колонны. Думается мнѣ, наконецъ, что и самъ св. Аѳанасій имѣлъ въ виду какихъ-либо римскихъ полководцевъ древняго времени о которыхъ въ его время *вѣщали только эти колонны*, поставленныя опять-таки уже не отцами же Церкви III-го вѣка.

Вообще, эти слова св. Аѳанасія, вставленныя въ посланіе, такъ сказать, мимоходомъ, въ качествѣ аргумента удобнѣе будетъ вспомнить тогда, когда будетъ у насъ рѣчь объ отношеніи Церкви, именно, къ *убитымъ* на войнѣ, а не убивающимъ.

Итакъ, предоставивъ историкамъ рѣшать вопросъ,—

---

[1]) Св. Аѳанасія Алекс. Посл. къ Аммуну монаху

какихъ отцовъ имѣлъ въ виду св. Василій (2-й половины IV вѣка) вопросъ, представляющій, главнымъ образомъ, историческій интересъ, мы остановимся на рѣшеніи другого вопроса, чисто практическаго: имѣло ли и имѣетъ ли правило св. Василія силу закона. Къ счастію нашему, имѣло и даже сослужило, спустя много вѣковъ, отцамъ Церкви большую службу, пособивъ умѣрить чрезмѣрное уваженіе къ милитаризму въ одномъ византійскомъ императорѣ, а именно: „Когда императоръ Фока потребовалъ, чтобы убиваемые на войнѣ причислялись къ мученикамъ, тогдашніе архіереи, воспользовавшись этимъ правиломъ, заставили царя отказаться отъ своего требованія, говоря: какимъ образомъ мы причислимъ къ мученикамъ падшихъ на войнѣ, которыхъ Василій Великій на трехлѣтіе устранилъ отъ таинствъ, какъ имѣющихъ нечистыя руки“ [1]),— и Фока принужденъ имъ былъ уступить.

Думается мнѣ, однако, что Вы не удовлетворены моимъ искусствомъ примиренія правилъ св. Василія и св. Аѳанасія и возразите, что они все-таки противорѣчатъ; да вѣдь и по Вашему же методу законъ, даже и Евангельскій, должно разумѣть буквально, не пропуская ни одной точки?— Вполнѣ признаю основательность этого возраженія и даже самъ усилю его очень важною справкою изъ другаго кодекса каноновъ св. Церкви нашей—Кормчей книги. Здѣсь на листу сл̃ читаемъ: правило 13: воинъ на брани за благовѣріе, аще убіетъ, три лѣта не пріиметъ общенія. Толкованіе: Иже на бранѣхъ бывающая убійства не убійства вмѣнишася отъ святыхъ отецъ: якоже и великій Аѳанасій Аммону мниху въ посланіи глаголетъ, честій великихъ достойни суть иже во бранѣхъ храбровавшіи, образы подобія ихъ поставляти, лѣпо есть проповѣдати храбрость ихъ, яко убиваютъ противныя, и дѣло творятъ законно, и похвалы достойно: се же и великій сей мужъ тѣхъ суда не отмещетъ, понеже за цѣломудріе и за благовѣріе храборъ на брани убиваетъ: обаче совѣщаетъ, добро есть глаголя таковому, три лѣта причащенія токмо не пріимати, понеже не чистѣ имать рудѣ“.

Внизу на томъ же листѣ *красными* чернилами напеча-

---

[1]) Зонара и Вальсамонъ къ 13 прав. св. Василія Великаго.

тано: „убійство на бранѣхъ—не убійство; причащенія же три лѣта не пріимати симъ“ [1]).

Какъ ясно видно отсюда, здѣсь оба противорѣчащія правила перемѣшаны такъ, что и понять трудно, почитать ли убійство за убійство, хвалить храбрыхъ солдатъ или наказывать?

Этою справкою противъ себя я ставлю себя въ трудное, какъ видите, положеніе: но я постараюсь изъ него выдти. Предо мною два пути: одинъ такъ сказать научно-либеральный, другой—научно-консервативный.

Вступивъ на первый путь, я устранилъ бы непріятную для меня справку моментально, даже съ нѣкоторымъ эффектомъ, а именно, заявилъ бы: да какъ же это можно мнѣніямъ такой дряхлой старухи, какъ кормчая, руководиться юристу XIX вѣка въ рѣшеніи такихъ вопросовъ, какъ—вопросъ о милитаризмѣ?! И вотъ я оправданъ...

Но ни оффиціально, ни неоффиціально во имя принциповъ своей науки и академической ученой традиціи я отнюдь не могу либеральничать въ наукѣ.

Однимъ изъ основныхъ принциповъ нашего церковнаго законодательства служитъ, именно, принципъ неприкосновенности не только вообще правилъ св. Апостоловъ, Соборовъ и св. Отцовъ, но даже и *текста* ихъ, одобреннаго высшею церковно-прравительственною властью каждой помѣстной церкви, и, напр., нашъ Святѣйшій Синодъ весьма тщательно оберегаетъ текстъ каноновъ отъ посягательства на него частныхъ лицъ и безъ своего вѣдома не дозволяетъ дѣлать въ немъ никакихъ исправленій. Мой учитель и предшественникъ по каѳедрѣ преосв. Алексій и печатно о заявлялъ и мнѣ неоднократно внушалъ, что, текстъ печатной славянской Кормчей есть„ такая священная древность и, можно сказать, святыня, что его слѣдовало бы издавать постоянно, не смотря на то, что нынѣ для практики онъ требуется рѣже прежняго“ [2]). Мой неоффиціальный учитель А. С. Павловъ приходитъ въ ужасъ отъ того, какъ мало занимаются у насъ списками и рукописями Кормчей книги, а затѣмъ цѣлый рядъ канонистовъ, историковъ, славистовъ,

---

[1]) Привожу по редакціи Никоновскаго изданія Кормчей 1653 г.

[2]) А. Лавровъ, печатное письмо къ Алексѣю Степановичу Павлову. 1876 г.

пользующихся въ нашей Академіи несокрушимымъ авторитетомъ, какъ то: Горскій, Голубинскій, Розенкампфъ, Калачевъ, Востоковъ, Срезневскій и tutti—quanti въ одинъ голосъ говорятъ, что списки Кормчей—такая драгоцѣнность, которую нужно хранить за семью замками—отъ научнаго либерализма.

Что же касается истолковательнаго метода церковныхъ правилъ, то величайшій авторитетъ нашей науки средневѣковой канонистъ Ѳ. Вальсамонъ въ качествѣ принципа интерпретаціи завѣщаетъ такую формулу: „Соблюдай каноническія постановленія гдѣ бы и какъ бы они ни были изрѣчены, и не говори, что между ними есть противорѣчія: ибо во всѣхъ глаголалъ Всесвятый Духъ“ [1]).

Какъ ни кажется страннымъ такой методъ, но на самомъ дѣлѣ это—пріемъ, довольно обыкновенный въ такъ называемой юридической или антиномической логикѣ, практикуемой и теперь нашими присяжными повѣренными въ процессахъ гражданскихъ и уголовныхъ и обычно называемый юридической техникой.

Какая же это техника? Это—„схоластика“—скажете Вы? Да, именно схоластика. Отецъ нашей науки каноническаго права, именно, и величается и самъ себя величаетъ: Іоаннъ Схоластикъ. Но не судите строго за это названіе, взявъ во вниманіе хотя бы трудность возлагаемыхъ на насъ задачъ; а, впрочемъ много насъ и не жалѣйте: только корень ученія горекъ, а плоды его сладки. Ибо, понавыкнувъ нѣсколько въ этой схоластикѣ, можно научиться легко разрѣшать самыя, казалось бы, неразрѣшимыя задачи. Такъ и теперь. Мнѣ предлежитъ рѣшить, во 1-хъ, вопросъ: по какому правилу священнику надлежитъ поступать въ случаѣ, если нужно будетъ чествовать какого-нибудь полководца? По правилу ли св. Аѳанасія, или по правилу св. Василія? И я отвѣчу, не задумываясь: по обоимъ — сначала по Аѳанасіеву, а потомъ по Василіеву. Если начальство предпишетъ тебѣ т. е. священнику встрѣтить полководца со звономъ и пѣть для него молебенъ съ многолѣтіемъ: звони и пой. А если этотъ полководецъ скажетъ: я хочу, батюшка, завтра причащаться,—то отвѣчай: въ какое время Вамъ

---

[1]) Кн. 90 правл. Трул. соб.

угодно исповѣдаться?—И затѣмъ, на исповѣди прочитай ему правило Василіево, которое и толкуйте, какъ Богъ на душу положитъ, хотя бы по Кормчей Никоновскаго или даже Іосифовскаго изданія, если полководецъ придерживается старины.

Второй вопросъ: если военное начальство проситъ отслужить паннихиду, напр., при памятникѣ Багратіона, гробницѣ Кутузова или Тучкова, почитая ихъ достойными мученическихъ вѣнцовъ,—то отправляйся безъ сомнѣнія, захвативъ великолѣпнѣйшую ризницу и пой заупокойную обѣдню и паннихиду, апотомъ, по окончаніи, самъ первый и поклонись до земли предъ ихъ гробницами; а на счетъ мученическихъ вѣнцовъ скажи, что я ничего не знаю; это—Божій судъ и Божія Воля.

Третій вопросъ: начальство приказываетъ мнѣ идти съ отрядомъ, напр., Долохова, а онъ — отчаянный игрокъ въ карты и жуиръ, да и вообще лагерная офицерская атмосфера пропитана табакомъ и виномъ: прилично ли мнѣ со Святыми Дарами жить въ этой атмосферѣ, да при томъ-же и небезопасно: тамъ башибузуки подстрѣлятъ меня, какъ зайца? И я, ничто же сумняся, скажу: иди со Святыми Дарами и тамъ исповѣдуй и причащай, не бравъ съ собою никакого оружія, и если ты застрѣлишь хоть одного башибузука—ты будешь лишенъ священства по 5 пр. Св. Григорія Нисскаго; а если ты изъ боязни запачкать въ грязи, слезахъ и крови обезображеннаго смертельными ранами Долохова свою чистую благословляющую руку и вспомнивъ его прежнія мирныя похожденія, отвернешься отъ него, то—горе тебѣ! Лучше бы тебѣ не родитися! Ибо вотъ что по этому поводу говоритъ 52-е Апост. правило: „Аще кто, епископъ, или пресвитеръ обращающагося отъ грѣха не пріемлетъ, но отвергаетъ: да будетъ изверженъ изъ священнаго чина. *Опечаливаетъ бо Христа,* рекшаго: радость бываетъ на небеси о единомъ грѣшницѣ кающемся“.

И если ты станешь жаловаться на то, почему тебѣ нельзя защищаться отъ башибузуковъ, я скажу тебѣ: потому, что ты пользуешься привилегіей свободы отъ воинской повинности, и идешь только на перевязочный пунктъ, а Долоховъ съ товарищами по командѣ моментально должны бросаться прямо подъ огонь непріятеля.

4) Если бы мнѣ предложили вопросъ: въ настоящее время необходимо по политическимъ соображеніямъ объявить войну— что вы на это скажете? Я, если бы захотѣлъ оставаться вѣрнымъ принципамъ своей строго-консервативной науки,— ничто же сумняся отвѣчалъ бы: „въ семъ дѣлѣ предвидятся убійства: и не имѣю, и не обрѣтаю, что на сіе отвѣщати“ [1])....

Да, на этотъ вопросъ моя строгая схоластика обязываетъ меня отвѣчать упорнымъ молчаніемъ. Обращайтесь къ школѣ научно-либеральной, къ Л. Н—чу: тамъ эти вопросы рѣшаются смѣлѣе

Впрочемъ, въ оправданіе своего упорнаго молчанія (если оно не понятно) могу прибѣгнуть къ слѣдующему наглядному объясненію

Предположимъ мало-вѣроятный, но возможный случай, что вблизи дов. большаго пограничнаго русскаго селенія показались курды, башибузуки или что-нибудь подобное. Селеніе охраняется, положимъ, одной батареей полевой артиллеріи подъ начальствомъ полковника съ пятью-шестью офицерами и сотнями двумя нижнихъ чиновъ. Курды и башибузуки, пользуясь совершенно мирнымъ настроеніемъ селенія втихомолку собираются въ цѣлую ватагу человѣкъ въ 500 и въ одно прекрасное утро появляются на глазахъ селенія, хотя и въ отдаленномъ еще разстояніи, но съ дов. явственно обозначившимся намѣреніемъ атаковать селеніе. Полковникъ баттареи не дремалъ и на всякій случай установилъ свою батарею въ боевую позицію. Полковникъ, указывая на эту разноцвѣтную, рѣзвящуюся ватагу говоритъ: я знаю этотъ народецъ; если прозѣваешь, они ворвутся въ селеніе и тогда я не ручаюсь за послѣдствія; но если теперь, сію минуту, дать залпъ изъ моихъ орудій, то вся эта ватага разбѣжится какъ стадо барановъ; какъ, по вашему, поступить? — Я, основываясь на Евангеліи и канонахъ, говорю: Вы убьете и изувѣчите много людей своими орудіями; и я не имѣю и не обрѣтаю, что на сіе отвѣщати. Л. Н—чъ—рѣшительнѣе; онъ говоритъ, что въ Евангеліи сказано: не воюй.... Но полковникъ остается недоволенъ и моимъ уклончивымъ отвѣтомъ, и категорическимъ

---

[1]) Ср. 15-й вопросъ и отвѣтъ Св. Тимоѳея Александрійскаго.

заявленіемъ Л. Н—ча,и рѣшается сдѣлать залпъ, послѣдствіемъ котораго является то, что на мѣстѣ, гдѣ за минуту весело гарцовала шумная ватага удальцовъ, осталось труповъ 30 и человѣкъ 100 смертельно раненыхъ.... Остальныхъ и слѣдъ простылъ.

Такой результатъ получился вслѣдствіе рѣшительности полковника, но что произошло бы, если бы онъ послушался Л. Н—ча и подъ вліяніемъ его „не воюй", „не сердись" и проч. не сдѣлалъ бы залпа?

Вмѣсто отвѣта, я позволю себѣ прочитать изъ Русской Мысли за прошлый годъ слѣдующее мѣсто статьи: „*Турецкія звѣрства въ Арменіи*":

„Въ прошломъ году (писано 16 ноября 1894 г.) въ Тальворикѣ армяне успѣшно отразили нападеніе сосѣднихъ курдовъ. Въ странѣ распространилась большая тревога. Въ нынѣшнемъ году правительство (Турціи) вмѣшалось и послало отряды регулярныхъ войскъ для того, что бы усмирить армянъ. Регулярнымъ войскамъ помогали курдскіе *гамидіе* (иррегулярныя войска). Армяне подверглись нападеніямъ въ горныхъ укрѣпленіяхъ и въ концѣ-концовъ должны были сдаться вслѣдствіе недостатка пищи и боевыхъ запасовъ. Около 20 деревень были уничтожены, населеніе умерщвлено и дома сожжены.

„Нѣсколько молодыхъ, полныхъ силъ армянъ были взяты въ плѣнъ, связаны, покрыты хворостиной и сожжены живыми. Нѣкоторое число армянъ, опредѣляемое различно, но не менѣе 100 человѣкъ, сдались и просили пощады. Многіе изъ нихъ были разстрѣлены на мѣстѣ, а остальные зарѣзаны саблями и заколоты штыками. Группа женщинъ, опредѣляемая различно, отъ 60 до 160 человѣкъ, была заперта въ Церкви и среди нихъ „были пущены" солдаты. Многіе изъ этихъ женщинъ были замучены до смерти, а остальныя убиты саблями и штыками. Нѣсколько молодыхъ женщинъ были захвачены въ качествѣ военной добычи. О нихъ передается два разсказа: 1) что онѣ отведены въ гаремы мусульманъ, которые похитили ихъ; 2), что имъ предложили принять исламъ и поступить въ гаремы, и когда онѣ отказались, ихъ убили. Дѣтей ставили въ рядъ одинъ за другимъ и стрѣляли въ одинъ изъ концовъ ряда, очевидно, что бы узнать, сколько человѣкъ

можно убить одной пулей. Малолѣтнія и грудныя дѣти кололись одинъ на другаго и головы ихъ отрубали. Солдаты окружали дома, зажигали ихъ и штыками заставляли людей возвращаться въ пламя, когда они пытались выбѣжать изъ него".

„Счетъ человѣческихъ жертвъ отъ 3000 до 8000 тысячъ. Это—скромныя цифры... Что теперь сдѣлаетъ христіанскій міръ?" (Такъ заканчивается это сообщеніе) [1]).

Что сдѣлалъ—я не знаю...

Но вообще же отъ имени своей науки я долженъ сказать, что въ вопросѣ объ объявленіи войны Церковь должна быть всемѣрно устраняема: это есть дѣло Главы государства; ибо ни въ Евангеліи, ни въ канонахъ Церкви нѣтъ закона: ни „не воюй", ни „воюй". Но разъ послѣдовало рѣшеніе Его за объявленіе войны, всѣ члены государства, каждый въ своемъ чину, должны такъ или иначе участвовать въ ней: воины—стоять мужественно до пожертвованія жизнію за достоинство и святость своего знамени—„за честь Божію и достоинство Государское"—какъ выражались наши благочестивые предки; [2]) священники должны усугубить свои молитвы всюду и на самомъ полѣ сраженія являть себя не только совершителями Безкровной Жертвы, но и подавать примѣръ евангельскаго самарянина въ служеніи больнымъ и ищущимъ утѣшенія своимъ братьямъ и молиться о вѣчномъ упокоеніи положившихъ жизнь свою за вѣру, царя и отечество....

Представляя на судъ Вашъ, М. Г., эти выводы по столь важному, жизненному вопросу, какъ вопросъ о милитаризмъ. Я далекъ отъ мысли претендовать на ихъ безошибочность: ибо убѣжденъ, что законъ errare humanum est съ особенною кажется силою тяготѣетъ надъ нами, учеными. Но я почту себя глубоко счастливымъ, если Вы признаете *искренность* моихъ усилій убѣдить Васъ въ томъ, что св. Православная Церковь и своими молитвами, и своими обрядами совершенно въ духѣ Евангелія Господа Іисуса Христа и въ духѣ своихъ каноновъ съ материнскимъ трепе-

---

[1]) Русск. Мысль, Ноябрь, 1895 г. стр. 110—111.

[2]) Синодикъ Покровской церкви г. Чебоксаръ (письма XVIII в.). Извѣстія по Казанской епархіи, 1895 г. № 18.

томъ охраняетъ чадъ своихъ отъ войны, какъ страшнаго бѣдствія, что она съ материнскою нѣжностью печется о жертвахъ войны, когда послѣдняя уже наступаетъ, какъ неизбѣжный плодъ грѣховъ людскихъ, что наконецъ она— не теперь только, когда ученые друзья мира съ достохвальною ревностью взялись за изысканіе средствъ ослабленія милитаризма, но уже болѣе 1500 лѣтъ неустанно стремится къ той же цѣли своими, ей предуказанными путями и средствами и стремится всегда подъ однимъ и тѣмъ же знаменемъ мира, на которомъ написано: *покайтеся и вѣруйте во Евангеліе* (Марк. I, 15).

Н. Заозерскій.